

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Alla Teteryyatnikova

RG-50.575*0004

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Вопрос: Здравствуйте! Мы берем у Вас интервью. Представьтесь, назовите Ваше имя и фамилию, где Вы родились, когда.

Ответ: Алла Александровна Тетеревятникова. Родилась в Одессе 15 октября 1931 года.

Вопрос: Мы собираем свидетельства о том, что происходило с евреями во время оккупации Одессы. Расскажите о том, что Вы видели. С чего для Вас началась оккупация?

Ответ: Когда расположили евреев по квартирам на нашей улице, в том числе и у нас...

Вопрос: Что значит «расположили»? Как они к Вам попали?

Ответ: Расселяли евреев, которых привезли в Одессу. Они были на суконной фабрике, в школе были № 98. Свезли их с Румынии, еще из каких-то городов, но привезли их в Одессу.

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Это было в 1941- начало 1942 года.

Вопрос: Это было во время оккупации?

Ответ: Это было во время оккупации. Это было зимнее, осеннее время. Начали уже румыны преследовать евреев. А потом, когда уже было это гетто, так они уже тогда привезли их на квартиры. Наверное, чтобы места было больше, я не знаю.

Вопрос: Где гетто было?

Ответ: Это гетто было: суконная фабрика и школа. Из гетто они расселили евреев семьями по квартирам на нашей Кооперативной улице и на других. В наш дом тоже поселили семью из пяти человек. Среди них было двое пожилых, видно, бабушка и бабушка, мать и детки, мальчику лет пять. Они у нас пробыли два дня, и почему-то всем евреям сказали быстренько собираться. Стали их собирать и везти туда, откуда их привезли (с суконной фабрики и школы) для того, чтобы везти их куда-то дальше. И пришли румыны забирать детей, выталкивать евреев из нашей квартиры. Ребенок плакал, просил, что он останется, что он не хочет быть евреем, что он останется с тетей Фросей, что он будет здесь жить! Ему не разрешили, ни нам взять его – ничего. И увели их с толпой, которую собирали. И ввели туда же опять на суконную фабрику, школу.

Вопрос: Где эта суконная фабрика находится?

Ответ: Она на Городской улице в районе моста. Если едешь с Городской в город, пересекаешь Балковскую улицу.

Вопрос: Какой это район Одессы?

Ответ: Это считается центральный район, там был у нас центр Слободки.

Вопрос: Это все на Слободке?

Ответ: Да, это все Слободка.

Вопрос: Когда их пригнали на Слободку?

Ответ: Точно не скажу, но это было зимнее время, потому что когда их собирали и ввели, то родители просили, чтобы детям дали попить чего-то горячего. Они готовы были отдать свои драгоценности, чтобы только дали кружку кипятка детям.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Почему Вы думаете, что это были евреи?

Ответ: Да потому что к нам пришли и сказали, что поселяют нас евреев, они будут жить у нас.

Вопрос: Кто сказал?

Ответ: Румыны, которые ставили их по квартирам.

Вопрос: Как выглядели эти люди?

Ответ: Эти люди были одеты нормально, хорошо. Видно, семья была такая интеллигентная. Ребенок такой умненький, чернявый, красивый. Родители пожилые, но тоже опрятно одетые.

Вопрос: Это было в доме, где Вы жили?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы упомянули тетю Фросю. Кто это?

Ответ: Это моя тетя. В доме жила наша семья и семья тети Фроси, тоже Подлегаевы. Две семьи, две квартиры у нас было.

Вопрос: Сколько времени эти люди у Вас прожили?

Ответ: Недолго, дней пять, потому что говорили, что они будут месяц находиться, а потом прибежали: «Быстренько собирайтесь, вы уходите!»

Вопрос: Кто прибежал?

Ответ: Румыны прибежали, полицейские, наверное. Они пришли, сказали всем собираться и выходить на улицу. Строили их, собирали и дальше уводили...

Вопрос: Они сами ушли или их кто-то выгонял?

Ответ: За ними пришли румыны. То, что они не хотели идти...дети упирались, хотя, конечно, шли, плакали, но шли.

Вопрос: Вы видели, как их уводили?

Ответ: Видела, да, как с нашего двора их выводили, как ребенок этот цеплялся за тетю мою. Он не хотел, говорил даже: «Не хочу быть евреем, я хочу остаться здесь».

Вопрос: А потом их повели по улице?

Ответ: Их повели всех по улице. Люди выходили провожать, смотреть. Вот они и просили этих людей, чтоб они дали детям попить.

Вопрос: Те, кого гнали, просили людей на улице?

Ответ: Да, тех, которые стояли на улице.

Вопрос: Как себя вели и те, которых гнали, и те, которые стояли?

Ответ: Те, которых гнали, были угрюмые, плакали, просили, чтоб, кто может, взял ребенка. Если удавалось, румын отворачивался, в толпу толкали. Так бросили в толпу одну девочку. А люди наши не checked off the record. This document should not be destroyed, used with, first checking against the interview.
их ведете? Оставьте, пусть они у нас поживут!» Но никто, конечно, не обращал на это внимания.

Вопрос: А конвой - это кто были?

Ответ: Румыны.

Вопрос: Много было конвоя?

Ответ: Да нет, немного, человека три, может.

Вопрос: А сколько было тех, кого гнали?

Ответ: С нашего дома человек 30. Внизу тоже жила семья, говорили, что они с Румынии были, их человек 6 было. И так вот по нашей улице в каждом доме они жили. Вот их собирали и соединяли со следующей группой с другой улицы. И так получалось, что собиралось их до 50 человек, и вели их.

Вопрос: Как они себя вели?

Ответ: Они были опечалены, переживали за детей, на улице-то холодно, и куда деть вещи, у них были узелки, чемоданчики. Чувствовали, что их куда-то везут и это не к добру – так они говорили.

Вопрос: Вы слышали эти разговоры?

Ответ: Да, они говорили, когда еще у нас жили: «Чувствуем, что они нас везут куда-то, это не к добру. Может, Бог нам поможет, и мы останемся живы, но что-то не похоже».

Вопрос: Я возвращаюсь к вопросу об охране. Много ли было солдат?

Ответ: Нет, немного, с винтовками было человека 3-4. Но люди были настолько уже уставшие, что никто на них не бросился. Все шли спокойно, молча.

Вопрос: Это все Ваши впечатления на той улице, где Вы жили?

Ответ: Да.

Вопрос: Что еще Вы можете рассказать о периоде оккупации? Что Вы наблюдали в городе?

Ответ: У нас пряталась еврейская семья. Брат учился с их сыном в школе. Кончили 10 класс и пошли добровольцами на фронт, Мона Фридман и наш. А родители его, мать и отец, ночью прибежали к моей тете, и она их прятала. Однажды пришел немец, но он не военный, а местный, он жил на Украине, а когда зашли немцы, почувствовал себя хозяином, богатый стал. Мы у него выменяли костюм нашего отца на питание. Так он нам привез продукты. И когда он нам привез эти продукты, эти евреи как раз были в квартире, сидели у тети. Они быстренько залезли под кровать.

Вопрос: Сколько их было?

Ответ: Двое. Наши все перепугались, потому что он был такой агрессивный человек. Пришел, а его тетя спрашивает: «А если б я прятала евреев?» А он говорит: «Я бы тебя на месте застрелил!»

Вопрос: Кого застрелил бы?

Ответ: Тетю! А тут же эти евреи были у него за спиной. Он и не знал, что под кроватью прячутся два человека. Но они испугались, что вдруг он еще придет. И они ночью ушли. Кто-то им еще обещал вывезти их куда-то. Дальше мы их судьбу не знаем. Но сын их с войны не вернулся. Мы жили неподалеку...он бы к брату пришел. А он не пришел, так что неизвестна судьба этого Мони.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Вы знаете его имя, фамилию?

Ответ: Я запомнила, они занимались с братом в одном классе.

Вопрос: Откуда Вы знали, что он пришел прятаться именно как еврей?

Ответ: Потому что мы знали, что Моня Фридман – еврей. Они дружили вместе. Мы знали, что он еврей. Поэтому его родители и пришли к нам, что тетя русская, может, тут не будут искать, дом наш находился на окраине. И они понадеялись, что будет спокойно. Может, и было б спокойно, если б этот немец не привез эту муку, которую он должен был привезти. И они б такого не услышали, что он готов расстрелять.

Вопрос: Это происходило когда?

Ответ: Примерно, 1942 год. Примерно, середина года, потому что одеты мы уже были легко.

Вопрос: Что-то еще Вы помните?

Ответ: Маминой подруги муж был евреем, и она прятала у себя свою свекровь. И она попросила потом, чтоб она была у нас. У нас и жильцов в доме было меньше, чем у них...и всякие там люди были не очень доброжелательные. И она у нас находилась. И однажды тетя и мама ушли, а мне сказали: «Если что – это твоя бабушка». Это было в начале оккупации, первые месяцы. Она услышала стук в ворота и побежала, спряталась в сарае на крючок внутри. Я открыла дверь: стоял румынский офицер с нагайкой, в шинели с папашой (это, наверное, уже октябрь был). И спросил: «Где жидан?» Я говорю: «У нас никого нет». Он напрямик в этот сарай, стал дергать дверь, крючок слетел, он ее вывел и забрал.

Вопрос: Вы думаете, что он уже знал, или это было случайно?

Ответ: Я думаю, что ему уже сказали, потому что он шел именно в сарай. Он не ходил по комнатам, а пошел сразу в сарай.

Вопрос: Это происходило у Вас на глазах?

Ответ: Да. Я в доме была одна, говорила, что это моя бабушка. А он ...нагайкой хотел ударить, но мимо меня так прошла нагайка.

Вопрос: Вас хотел ударить?

Ответ: Да.

Вопрос: Он не слушал Ваших увещаний?

Ответ: Нет, не обращал внимания. Ему сказали, что то еврейка, вот он и забрал ее.

Вопрос: Еще что-нибудь можете вспомнить? Может, какие-то эпизоды, которые напрямую не связаны с евреями. Как себя здесь вели оккупанты?

Ответ: Оккупанты, когда приходили в дом, старались ограбить. Нужно было убирать вещи, которые лежали, обувь, например. Если на столе лежал сахар, его тоже убирали, потому что они его в карманы запихивали. Они считали себя победителями и надо побольше с собой унести.

Вопрос: Это в домах. А вне домов Вы видели какие-нибудь гонения?

Ответ: На улице, я видела повешенных. Дорога, которая со Слободки в сторону завода Марси, и судя по фотографии, Пересыльце, а также в Слободки. Видела повешенных, но не знаю, кто они были. В селе, мужчины. С улицы сказали, что там повешенные, мы, дети, побежали посмотреть.

Вопрос: Где они были повешены?

Ответ: Они были вдоль дороги.

Вопрос: На чем они висели?

Ответ: На палках, на столбах.

Вопрос: На телеграфных столбах или виселицах?

Ответ: Я как-то не запомнила. Но я видела тех несчастных: синие лица, высунутые языки.

Вопрос: Вы могли установить, кто это?

Ответ: Нет. Было впечатление, что людей схватили кого попало и повесили. Это были ребята, мужчины.

Вопрос: Когда Вы это видели?

Ответ: Это тоже в первое время, когда румыны появились в Одессе.

Вопрос: Зимы еще не было?

Ответ: Это начало, может, октября, тепло еще было.

Вопрос: Октябрь какого года?

Ответ: 1941.

Вопрос: Еще что-то вспомните?

Ответ: Они всегда старались попасть в дом с какой-нибудь проверкой, какой контроль, и чтобы побольше награть, забрать. Люди так и говорили: «Если румын приходит, стучит, прячьте все, что в квартире». Сахар, продукты какие-то – если он что-то увидел, он все забирал.

Вопрос: Еще какие-то эпизоды помните?

Ответ: Пожалуй, нет.

Вопрос: Спасибо за Ваши воспоминания.

Ответ: Запомнился сам факт, само событие, а там все эти детали...а детскую память.. так не обращал внимания. Помнишь только этих несчастных людей, которые у нас ...У нас на Слободке дом был расположен так, что видно Усатово село, а ниже туда еще был дом, а наш на высоте стоял. Так вот в тот дом тоже вселили семью большую евреев. Говорили, что они из Бессарабии. И хозяйка этого дома пошла и заявила, чтоб забирали этих евреев от нее. Пришли, забрали. А эта женщина-еврейка плачет и говорит, что она не отдает ей вещи. Та ей не отдала, сказала, что ничего у них с собой не было. И на этом дело закончилось. А потом, когда они ушли, мы видели, как она эти вещи на веревке сушила - это одеяло, что женщина говорила. Эти вещи были яркие, броские – мы не видели у себя таких. Поэтому поняли, что это те вещи, которые она забрала, но с румынами поделилась.

Вопрос: Вы это видели?

Ответ: Я видела, дом же рядом был. И мы знали эту женщину. Слишком она была против, что посещали ей эту семью. А семья скромная, мужчин там не было, женщина и двое или трое детей. И вот те все вещи, которые она ей не отдала, они висели, она сушила их у себя во дворе.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking against the interview.

Вопрос: А как этих евреев, которые у нее жили, выгнали и повели, Вы видели?

Ответ: Нет. Мы не знали, что их могут забрать. Как их поселили, как они жили – мы видели. Мы разговаривали с ними. Чувствуется, что она была обижена на хозяйку тем, что она недоброжелательна к ней, что она искоса на них смотрит. Так эта женщина и говорила тете: «Мне как-то страшно здесь». Мы даже не думали, что эта женщина такой окажется.

Спасибо!